

Алексея, а жители столицы были недовольны его суровостью (стр. 363—365).

Напротив, для второго Комнина Гиббон находит лишь розовые краски: Иоанн целомудрен и воздержан, презирует роскошь дворца, любим подданными, так что за все его царствование не было ни заговора, ни мятежа. «Под властью такого монарха невинности нечего было опасаться, а для личных достоинств было открыто самое широкое поприще» (стр. 366). Мануил не унаследовал «общественных добродетелей» отца, любил роскошь, истощил казну и обременял подданных налогами (стр. 367—369). Наконец, Андроник выступает как двойственная и противоречивая натура: «Когда он увлекался своими страстями, он был бичом своего народа, а когда внимал голосу рассудка, был для этого народа отцом» (стр. 377).

Таким образом, Гиббон не вносит ничего нового в характеристику Комнинов. Еще ближе к схеме Лебо держится Ж. К. Ройу, местами буквально переписывающий своего предшественника: в характере Алексея он находит, например, «смещение добра и зла» и вслед за Лебо заявляет, что этот государь считал себя собственником, а не управителем общественных благ⁷. В согласии со своим предшественником Ройу винит Алексея в полном расстройстве финансов и в ухудшении монеты, всерьез уверяя, что при первом Комнине драхма была приравнена к оболу (стр. 203).

У Лебо заимствует Ройу и панегирик Иоанну, которого он именует лучшим государем Византийской империи (стр. 280), константинопольским Марком Аврелием, чьи блестящие качества не запятаны ни единым пороком (стр. 297). У Лебо заимствует Ройу также характеристику Мануила (стр. 341—344) и Андроника (стр. 368).

За Лебо следовал и другой французский писатель — П. Нугаре⁸.

По существу те же оценки лежат и в основе несколько более поздней работы М. де Аммера. Этот историк особенно резко судит об Алексее, соединявшем в своей политике ум и коварство⁹. Опираясь на слова Зонары, Аммер утверждает, что Алексей сотрясал древние учреждения империи и в ущерб знати возвышал своих родственников (стр. 396). Оказывается также, что Алексей установил монополии на хлеб, оливковое масло и другие продукты (стр. 400).

В адрес Иоанна Аммер находит лишь добрые слова: император был либерален, благочестив, скромн, добросердечен, положение государства при нем улучшилось (стр. 409 и сл.). Единственно, в чем Аммер расходится с Лебо, это оценка Мануила, которого историк стремится оправдать от обвинений в предательстве дела крестоносцев (стр. 411 и сл., 423). Работа Аммера не затрагивает вовсе внутренней политики Иоанна и Мануила и ограничивается лишь психологической характеристикой обоих государей. Политическая линия Комнинов выводится им, как и его предшественниками, из свободно конструируемого душевного склада императоров: при Алексее она была будто бы скрытной и коварной, при Иоанне — смелой и честной, при Мануиле — неровной, беспокойной, легко доходящей до крайностей (стр. 425).

Отход от суровой оценки, данной Лебо династии Комнинов, заметнее проявляется у других авторов первой половины XIX в. Греческий историк

⁷ J.-C. Ro u o u. Histoire de Bas-Empire depuis Constantin jusqu'à la prise de Constantinople en 1453, t. III. Paris, 1803, p. 278. Книга была переиздана в 1814 г.

⁸ P. J. V. N o u g a r e t. Anecdotes de Constantinople ou du Bas-Empire. Paris, 1799. Ему же принадлежат анонимно изданные сочинения: Abrégé de l'histoire du Bas-Empire par Lebeau. Paris, 1806; Précis de l'histoire du Bas-Empire ou Anecdotes de Constantinople. Paris, 1806; Beautés de l'histoire du Bas-Empire. Paris, 1811 (второе издание — 1814 г.). Эти работы мне недоступны.

⁹ M. de H a m m e r. Examen critique des historiens d'Alexis Comnène et des trois princes de sa famille qui lui ont succédé, et principalement de leur politique envers les croisés. Fundgruben des Orients 5, 1816, S. 394.